

УДК 911.3

ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ «МОРСКОГО СЕКТОРА» ЭКОНОМИКИ РОССИИ: ПАРАМЕТРЫ, ЛОКАЛИЗАЦИЯ, ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

Дружинин А. Г.

*Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
E-mail: alexdru9@mail.ru*

В статье представлен анализ «морского сектора» экономики современной России, акцентирована роль в нём «приморской» компоненты туристско-рекреационного комплекса, охарактеризована её локализация в европейской части Российской Федерации, раскрыты факторы, проблемные ситуации и приоритеты развития рекреации в приморской зоне юга России в изменившемся геополитическом и геоэкономическом контексте.

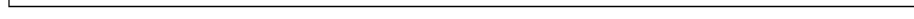
Ключевые слова: туристско-рекреационный комплекс, морехозяйственный комплекс, приморская зона, европейская часть России, юг России.

ВВЕДЕНИЕ

Мировой океан и его ресурсный потенциал (по самой консервативной оценке эквивалентный 24 трлн. долл. США [1]) продолжает всё масштабнее вовлекаться в глоболизирующуюся и одновременно асимметричную, фрагментированную [2] систему общественного воспроизводства, а экономическая деятельность, подчиняясь рыночным импульсам, — являть агломерационные эффекты [3; 4], концентрируясь преимущественно у морских побережий [5; 6]. Эффекты **талассоаттрактивности** (т. е. «притяжения» к морским побережьям населения, хозяйственной активности, инфраструктуры [7; 8; 9]) в этой ситуации устойчиво воспроизводятся, являя всё более рельефный, повсеместный характер и корреспондируя с динамикой «морского сектора» экономики, всё более значимую роль в структуре которого играет туристско-рекреационная составляющая.

ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В СТРУКТУРЕ «МОРСКОГО СЕКТОРА» ЭКОНОМИКИ РОССИИ

В последнее десятилетие в немногочисленных культивируемых на междисциплинарном «стыке» экономики и географии исследованиях по «морской тематике» укоренилось понятие «морехозяйственный комплекс» (МХК). Как правило, им обозначают «совокупность отраслей экономики, предприятий и организаций, расположенных на морском побережье и непосредственно связанных с морской деятельностью» [10, с.5], либо, шире, и с некоторым смещением акцента, — «все виды экономической деятельности, прямо или косвенно направленные на освоение пространств и ресурсов Мирового океана» [11, с.6]. При оценке вклада МХК в ВВП страны принято [12] учитывать прежде всего его «сердцевинные» компоненты: портовое хозяйство, морской транспорт, судостроение и ремонт, морское и



Оценку вклада «морского сегмента» в ВВП современной России начнём с портов и морского транспорта как безусловного узлового компонента МХК. Исходя из современной величины и структуры грузооборота портов России, а также основываясь на представленных в специальной литературе методиках расчёта [14], объём услуг морского транспорта по обслуживанию товаропотока Российской Федерации можно оценить в 20 млрд долл. США; 40 %, т. е. 8 млрд . при этом приходится собственно на портовые комплексы. Учитывая, что уже с середины 1990-х гг. только 4–5 % следующего «морским путём» грузопотока страны обеспечивается национальными перевозчиками [15], данную цифру следует признать практически итоговой (она эквивалентна 0,4 % ВВП страны). Вторая составляющая – рыболовство: лишь 3,5 % улова биоресурсов в стране приходится на пресноводные объекты; вклад отрасли в ВВП России – 0,2 %. Третья значимая позиция – добыча углеводородов на шельфе (это – около 3 % от всех извлекаемых минеральных ресурсов, т. е. 0,3 % ВВП). Суммарная доля трёх перечисленных направлений достигает в итоге 0,9 % ВВП Российской Федерации, однако (если руководствоваться не бухгалтерскими, а предметно-категориальными основаниями расчёта), данная цифра – лишь стартовая, являющая «верхушку айсберга» реальной значимости «морского сегмента» в национальной экономике.

Принято полагать, что 1 тонна пропускной способности порта в среднем связана со 100 долларами США добавленной стоимости [16]. Если применить эту пропорцию к России, то окажется, что портовая деятельность генерирует 3,3 % её ВВП; поскольку из них 1,1 % приходится на собственно услуги портов и морского транспорта – 2,2 % гипотетически должна составлять доля «припортовой» промышленности, иной, связанной с портом, хозяйственной активности. В РФ по ряду причин «припортовая» индустрия не столь развита, как, например, в Западной Европе, США, Китае. Тем не менее соответствующие эффекты имеют место; они «распределены» на внутриконтинентальные районы страны, «улавливаемы» железнодорожным и трубопроводным видами транспорта. В итоге финальный расчёт для «морской составляющей» экономики РФ составит: 0,4 % ВВП – услуги портов, 0,2 %– рыболовство, 0,3 %– добыча нефти и газа на шельфе, 0,2 %– судостроение и судоремонт, 2,2 % (пока, преимущественно, гипотетически) – «припортовая» индустрия.

Что касается туризма, то его составляющая (прямой вклад) в ВВП России (по ситуации на 2013–2014 гг.) оценивается в 1,4–1,5 % ВВП [17, 18]. Оперирование статистикой Федерального агентства по туризму РФ (сведения об объёме платных услуг гостиниц и аналогичных средств размещения по регионам [19]) позволяет идентифицировать долю «приморских» курортов в 20–25 % (а с учётом доминирующей на приморских курортах Юга России «неучитываемой» составляющей размещения – до 30–35 %) от общего вклада туризма в ВВП. Таким образом, только прямой экономической эффект от «приморской рекреации» даже в «докризисный» период достигал 0,5 % ВВП России (в настоящее время эта цифра в силу ряда гео- и макроэкономических причин, полагаю, выросла); фактический «вклад» приморских компонент туристско-рекреационного комплекса в

национальную экономику в итоге превышает аналогичный показатель по всему портовому хозяйству, позволяя рассматривать туризм и рекреацию как одно из базовых, лидирующих направлений морехозяйственной активности.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ «ПРИМОРСКОЙ РЕКРЕАЦИИ»: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ СИТУАЦИИ И ТРЕНДЫ ДЛЯ ЮГА РОССИИ

В Российской Федерации непосредственный «выход к морю» имеют 23 региона (на их долю приходится 60 % территории и 24,2 % населения страны). Тем не менее лишь 17 из них отличаются реальным наличием отраслей МХК, выраженным «смещением» к морским акваториям важнейших селитебных и хозяйственных центров и, в этой связи, они могут быть идентифицированы как «талассоцентрированные» [20]. Ещё меньше (всего 8) субъектов Федерации, обладающих сколько-нибудь развитыми, значимыми в российском масштабе «приморскими» туристско-рекреационными комплексами (Табл. 2).

Таблица 2.
Регионы РФ, обладающие «приморскими» туристско-рекреационными комплексами

	Удельный вес в общей численности лиц, размещённых в КСР России**, 2014 г., %	Динамика роста числа лиц, размещённых в КСР за 2005–2014 гг., раз	Общая численность туристов, посетивших регион за 2015 год, тыс. чел.
Краснодарский край	10,0	3,84	14000
Республика Крым	1,1	...	4598
г. Севастополь	0,1	...	1500
Ростовская область	1,8	2,98	1000
Калининградская область	1,1	7,15	1000
Ленинградская область	1,5	4,05	2000
Республика Дагестан	0,3	3,67	430
Приморский край	1,7	4,64	500
Россия в целом	100,0	4,77	42000***

* составлено на основе данных Федеральной службы государственной статистики, а также с учётом информации Федерального агентства по туризму.

** коллективные средства размещения.

*** число внутренних туристических поездок.

Сопоставление регионов по ряду отслеживаемых статистикой индикаторов свидетельствует о выраженной асимметрии в локализации и развитии конкретных «приморских» территориально-рекреационных комплексов. Ситуация характеризуется:

1. заметным общим отставанием прироста числа КСР в приморских регионах в сопоставлении со средним по России показателем (что, как видится, является следствием не только ускоренного «доразвития» туризма во «внутриконтинентальных» регионах страны, но и существенной конкуренции со стороны зарубежных морских курортов, фактического обретения российской «приморской рекреацией» своей экзогенной, транснациональной составляющей);

2. опережающей динамикой развития туристско-рекреационного комплекса российского эксклава на Балтике (Калининградская область), в том числе и в связи с полифакторным трендом на «замещение» товаров и услуг стран Балтии;

3. выраженным несоответствием между потоком отдыхающих на курорты Крыма и наличием на полуострове инфраструктуры КСР, численностью воспользовавшихся их услугами лиц; ситуация эта иллюстрирует в том числе и повышенную долю «серых», неучитываемых объектов размещения.

Подавляющая часть соответствующей инфраструктуры и, соответственно, «потока» рекреантов при этом сконцентрирована именно на Юге России, в российском Причерноморье, его приморской зоне (с марта 2014 г. объединяющей 12 городов и 13 сельских административных районов с суммарной площадью в 32,7 тыс. км², постоянным населением в 3003 тыс. человек и представляющей собой плотно заселённую и в целом высокоурбанизированную, относительно насыщенную инфраструктурой территорию [21]).

Вхождение в состав РФ Крыма не только существенно нарастило возможности «приморской» рекреации нашей страны, но и предопределило значение российского Причерноморья как второго (после Санкт-Петербургского приморского региона) «полюса» приморского расселения и морехозяйственной активности. На этом фоне (а также в связи с кризисом экспортоориентированной модели экономики, реализацией «Олимпийского проекта» в Сочи, ростом глобальной геополитической турбулентности) в экономике приморских территорий повсеместно возрастает роль туристско-рекреационной сферы, сопровождаясь как развитием инфраструктуры, так и возрастающим дефицитом (и деградацией) основных компонент природно-рекреационного потенциала на всех основных курортно-рекреационных территориях.

По мере роста сезонных «пиковых» нагрузок (когда фактическая людность приморских поселений увеличивается от 1,5 до 5,0 раз) и реализации ориентированных на улавливание «приморско-рекреационной ренты» новых

инвестиционных проектов (в том числе и на уровне домохозяйств) – пространство для рекреантов (за пределами крупных, оконтурированных солидными заборами курортно-рекреационных учреждений) становится всё более минимизированным, порождая дефицит общественных пляжей, единых обустроенных приморских променадов, зелёных зон, объектов общедоступной современной спортивной инфраструктуры и т.п. На этом фоне активизируется пространственная диффузия рекреационной специализации: лишь за несколько последних лет ощутимо изменились и внешний облик, и специализация многих приморских поселений (показательно в этом отношении с. Береговое, расположенное к северо-востоку от Феодосии, чей ранее преимущественно аграрный профиль практически полностью заместился ориентацией на приём и размещение сезонных отдыхающих, привлекаемых красотами «Золотого пляжа»).

Повсеместное, хотя и сфокусированное в отдельных урбанистических центрах (прежде всего Краснодарского побережья), жилищное строительство (во многом «точечное») лишь порождает дальнейшую архитектурную эклектику, уплотняет и расширяет уже имеющуюся застройку, объективно «вытесняя» массового рекреанта и рядового горожанина за пределы расширяющих своё пространство всё новых и новых элитарных жилых комплексов (возводимых в Сочи, Анапе, Геленджике, Ялте; цена 1 м² в реализуемых здесь апартаментах превышает 3–3,5 тыс. долл. США), просто кварталов скученно размещённых, практически лишённых зелени многоэтажек «экономкласса» (предлагающих недвижимость в диапазоне от 45 до 70 тыс. руб. за м²) и тем самым ещё больше снижая туристско-рекреационный (и в целом селитебный) потенциал приморских поселений. На этом фоне множатся противоречия между, с одной стороны, интересами подавляющей части местного населения (заинтересованного в расширении потока отдыхающих, равно как и поддержании качества среды обитания) и, с другой – девелоперами (ориентированными на инвестиции состоятельных клиентов и выстраивающими теневые схемы реализации, позволяющие выводить существенные суммы из-под налогообложения, минимизируя тем самым позитивные социальные эффекты бизнеса), а также владельцами масштабных туристско-рекреационных объектов, занимающих лучшие парковые зоны, пляжи и т. п.

Характерные для ряда последних лет позитивные качественные изменения в рекреационной инфраструктуре (и в целом в облике городской среды) в Сочи, Анапе и, отчасти, Геленджике сочетаются как с повсеместно сохраняющимися на практически всём побережье дефицитами в энерго- и водоснабжении, так и с серьёзнейшей (возникшей в постсоветский период) асимметрией в инфраструктурном (и в целом социально-экономическом) развитии Кубани и Крыма.

Кризисный тренд ещё явственнее обнажил присущую российскому Причерноморью диспропорцию между необходимостью и практическими возможностями дальнейшего развития рекреации; основным лимитирующим фактором при этом выступает внешний платёжеспособный спрос: для устойчивого социально-экономического развития приморских территорий (в формате их

преимущественно туристско-рекреационной специализации) в настоящее время он недостаточен; лишь существенный рост жизненного уровня основной массы граждан нашей страны (при одновременной модернизации курортно-рекреационной сферы российского Причерноморья, а также создания многоканальных механизмов поддержки отечественного турпродукта) придаст и рекреации, и в целом социально-экономической ситуации на приморских территориях должную позитивную динамику и устойчивость.

Актуальнейшей проблемой является и выраженная вариация спроса на туристско-рекреационные услуги Причерноморья в рамках годового природно-социального цикла (с пиковой нагрузкой в июле-августе), порождающая «сезонную депрессивность» приморских рекреационных территорий, когда на смену летнему экономическому ажиотажу и сверхнагрузкам на природные комплексы и инфраструктуру приходит продолжительный период свёртывания бизнеса и резко возросшей безработицы. Преодоление негативных эффектов сезонной депрессивности российского Причерноморья связано не только с дальнейшим инфраструктурным обустройством приморских курортов и реализацией грамотной (ориентированной на активное привлечение отдыхающих вне летнего периода) маркетинговой и тарифной политики, но и с общей диверсификацией экономики приморских зон (разумеется, вне ценных рекреационных территорий, объектов природного и историко-культурного наследия), в первую очередь – с акцентом на восстановление (!) и развитие важнейших компонент морехозяйственного комплекса (судостроение и судоремонт, марикультура, рыбопереработка и др.).

ВОЗМОЖНОСТИ И БАРЬЕРЫ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ «МОРСКОГО СЕГМЕНТА» ЭКОНОМИКИ ЮГА РОССИИ В НОВОМ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОМ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

С середины 2014 года детерминантой развития «приморской рекреации» Юга России выступают масштабные, рельефно проявившиеся изменения во внешнеполитическом и внешнеэкономическом положении нашей страны, всё чаще обозначаемые как её геостратегический «разворот» [22]. Явление это видится сложным, многоаспектным. В своём общественно-географическом звучании «геостратегический разворот», полагаю, представляет собой радикальное и завершённое изменение геоэкономического и геополитического позиционирования России, характеризующееся реконфигурацией не только её внешних связей, но и геокультурных аттракторов и доминант. Проявления «разворота, при этом, многообразны и охватывают не только отдельные (отраслевые и территориальные) сегменты экономики, но и пространственную организацию хозяйственной и селитебной активности страны, всю архитектуру территориальной организации общества. В числе основных факторов «разворота»:

1. Геоэкономическое и геополитическое переформатирование мира, включая постепенное смещение экономической активности на восток – юго-восток Евразии, установление новой глобальной биполярности (и активнейшее противодействие ей)

на фоне роста числа региональных центров силы (в том числе и непосредственно в Причерноморье);

2. Обострившая борьба за сферы влияния и преимущества «центрального позиционирования» (как на глобальном, так и на метарегиональном уровнях), ведущая к геоэкономической и геополитической реконфигурации, появлению новых интеграционных векторов, линий размежевания и ареалов военно-политической нестабильности и противостояния (регионы российского Причерноморья, при этом, всё более обретают черты не только «приграничных», но и де факто «прифронтовых»);

3. Кризис (начиная с 2008 года) сложившейся в России сырьевой, компрадорской, олигархической политико-экономической модели (включая и её пространственную проекцию); попытки совмещения пролонгации этой модели с решением модернизационных задач и обеспечением социально-политической стабильности российского общества (подобный контекст в ещё большей мере актуализирует традиционные проблемные ситуации российского Причерноморья, напрямую ставя его социально-экономическую перспективу и благополучие в зависимость от масштаба, векторов, устойчивости и сезонной ритмики потока рекреантов);

4. Новая (обозначившаяся в августе 2008 г. и полномасштабно проявившаяся с января 2014 г.) «волна» геостратегической экспансии Запада на постсоветском пространстве и в сопряжённых регионах Евразии (усиливающая, в частности, военно-стратегическое значение приморских зон).

Вышеуказанные факторы полномасштабно явили своё действие во всех приморских зонах Юга России, сопровождаясь как краткосрочными (фактически, уже фиксируемыми), так и долгосрочными (вероятностными, обозначившимися в виде тренда) эффектами и следствиями (рост грузооборота российских портов за счёт активизации экспорта при одновременном снижении импорта, а также росте каботаж, активизация военно-силовой активности России, в том числе развитие ориентированного на ВМФ судостроения и судоремонта и др.). Поскольку параллельно имеет место и частичная переориентация российского турпотока с зарубежных курортов на приморские регионы страны – на российском Юге (впрочем, как и на Балтике) можно прогнозировать дальнейшую эскалацию конфликта интересов альтернативных векторов приморского природопользования; развитие приморских туристско-рекреационных комплексов будет при этом в существенной мере лимитировано природно-экологическими условиями страны и бюджетными возможностями РФ. Ситуация углубляющегося в стране социально-экономического кризиса при этом неизбежно вызовет в российском Причерноморье дальнейший рост предложения туристско-рекреационных услуг (преимущественно в «бюджетном» сегменте) и усиливающуюся конкуренцию как между уже сложившимися курортами, так и новыми, «осваиваемыми» рекреацией, либо перспективными (наподобие юго-восточного побережья Крыма, располагающего великолепными пляжами с чёрной мелкой галькой и чистейшим морем) территориями.

Фиксируя внимание на «геостратегическом развороте» и продуцируемых им пространственных экономических эффектах важно подчеркнуть, что это – не моментный, ситуативный акт, рефлексия на обстоятельства, а пролонгированный многоэтапный, противоречивый (с возможными попятными движениями), разноскоростной (для тех или иных регионов страны) объективный процесс. Геоэкономические (в своей начальной, латентной фазе) его предпосылки обозначились несколько ранее (примерно, на пятилетие) знаковых, резонансных геополитических событий «размежевания» России и Запада. Характерно при этом, что именно в геоэкономической сфере проявления «разворота» до сих пор всё ещё слабо различимы и преимущественно локальны, конъюнктурны, не прошли, как видится, свою «точку невозврата».

Отмечу также, что завершённость и позитивная (для России) результативность «разворота» определяется не степенью переориентации с преимущественного взаимодействия с Западом на Китай (либо иной «центр силы») и даже не достижением многовекторного геостратегического баланса (что, учитывая позиционирование нашей страны, само по себе – важно, но должно осуществляться с «поправкой» на специфику того или иного региона), сколько в целом «национализацией» российской геополитики и геоэкономики, повышением её самодостаточности, статуса в глобальной иерархии, предотвращением деградации и депопуляции обширнейших российских территорий, наращиванием межрегиональных связей, снижением чрезмерных, разрушительных для страны градиент в её центрo-периферийных системах. Что же касается непосредственно приморских зон, то в контексте геостратегического разворота их приоритетная роль в территориальной организации российского общества в перспективе не только сохранится, но и способна (за счёт сложившихся на побережье ареалов социально-экономической активности) даже некоторым образом усилиться.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Россия традиционно воспринималась как «океан суши [23]», пространство преимущественно «континентальное», своими основными экономическими и селитебными центрами удалённое от морских побережий. Сохраняет актуальность подобное видение и применительно к современной Российской Федерации: 62 её региона (концентрирующие 75,8 % демографического потенциала и генерирующие 76,1 % совокупного ВРП) лишены непосредственного «выхода к морю», а средняя плотность населения в оставшихся 23 её субъектах более чем втрое уступает общему по стране показателю. По своему позиционированию, пространственной архитектонике, условиям и способам включения в мирохозяйственные циклы, Россия тем не менее является и «приморской», и «океанической»; её «континентальность» – не абсолютна и не повсеместна, поскольку сочетается с диверсифицированным морехозяйственным комплексом, наличием стратегических государственных интересов и приоритетов в Мировом океане, равно как и протяжённых, местами инфраструктурно обустроенных и плотно заселённых,

концентрирующих крупные портово-промышленные центры, туристско-рекреационные комплексы и городские агломерации побережий. Более того, воздействие «морского» (и «приморского») фактора на территориальное социально-экономическое развитие страны в последние годы устойчиво возрастает, вновь (как полвека назад) выводя на приоритетные позиции «морскую составляющую» российской общественной географии. Значимым её компонентом (с учётом современной структуры морехозяйственного комплекса, специализации узловых, наиболее благоприятных для расселения и хозяйственной активности побережий, а также тренда, стратегической перспективы) должна выступать туристско-рекреационная тематика.

Исследование выполнено при поддержке РНФ (проект 15-18-10000 «Трансграничное кластерообразование в динамике экономических и селитебных систем приморских территорий европейской России»).

Список литературы

1. Reviving the Ocean Economy: the case for action – 2015. WWF International, Gland, Switzerland, Geneva, 2013. 60 pp.
2. Krugman P., Venables A. J. Globalization and the Inequality of Nations // The Quarterly Journal of Economics. 1995. Vol. 110. № 4. Pp. 857–880.
3. Combes P.-P., Mayer T., Thisse J.-F. Economic Geography. The Integration of Regions and Nations. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2008. 424 p.
4. Fujita M., Krugman P., Venables A.J. The Spatial Economy. Cities, Regions, and International Trade. MIT-Press, Cambridge, Mass, 1999. 367 p.
5. Bosworth A. The world-city system by the year 2000. Journal of Developing Societies. 1996. 12 (1), 52–67.
6. Notteboom T., Rodrigue J.-P. Port Regionalization: Towards a New Phase in Port Development. In: Maritime Policy & Management. 2005. 32 (3). P. 297–313.
7. Лавров С. Б. Портово-промышленные комплексы в проблеме взаимоотношений общества и природной среды в океане и региональное развитие приморских районов // Вопросы географии океана. Л.: Наука, 1983. С. 25–31.
8. Дергачев В. А. Основы экономического районирования Мирового океана. Киев, 1980. 110 с.
9. Слевич С. Б. Океан: ресурсы и хозяйство. Л., 1988. 315 с.
10. Гогоберидзе Г. Г. Методология и методы оценки морского потенциала приморских территорий : автореф. ... д-ра экон. наук. М., 2009. 48 с.
11. Алхименко А. П. Морехозяйственный комплекс России: тенденции развития и проблемы // Морехозяйственный комплекс России. СПб., 2005. С. 5–23
12. Малинина Ю. В. Особенности морской деятельности в современных условиях и оценка негативных последствий от повышения морского уровня в XXI столетии : автореф. ... канд. геогр. наук. СПб., 2010. 25 с.
13. Дружинин А. Г. Приморская зона России как общественно-географический феномен: подходы к концептуализации и делимитации // Балтийский регион. 2016. Т. 8. № 2. С. 85–100.
14. Korinek J. Clarifying trade costs in maritime transport, OECD Trade Policy Papers, No. x, OECD Publishing, Paris. 2008.
15. Концепция федеральной целевой программы «Мировой океан». Российская газета, 28.01.97.
16. Olaf Merk. The Competitiveness of Global Port-Cities: Synthesis Report. OECD, 2013. 187 с.
17. Влияние Интернета на развитие внутреннего туризма в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://raec.ru/upload/files/tourism_final.pdf

18. Медведев: доля туризма в ВВП России всего 1,5 % [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlinrus.ru/news/164/13965/>
19. Основные показатели деятельности коллективных средств размещения в 2012 году [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.russiatourism.ru/upload/iblock/924/stat_pokazateli_regionov_RF_2012.doc
20. Социально-экономическое развитие приморских территорий Европейской части России: факторы, тренды, модели / под ред. А. Г. Дружинина. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. 236 с.
21. Дружинин А. Г. Актуальные тренды и проблемные ситуации социально-экономической динамики российского Причерноморья // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2015. № 2 (11). С. 3–18
22. Караганов С. Мир становится все менее прозападным // Россия в глобальной политике [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Mir-stanovitsya-vse-menee-prozapadnym-16564>
23. Ильин И. А. О России. Три речи. 1926-1933. София. Изд «За Россию», 1934. 78 с.

**TOURISM AND RECREATION OF CONSTITUTES “MARITIME
SEGMENT” OF RUSSIAN ECONOMY: PARAMETERS, LOCALIZATION,
PROBLEMS OF DEVELOPMENT**

Druzhinin A. G.

*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: alexdru9@mail.ru*

The article presents an analysis of the «maritime segment» of economy of modern Russia, accentuated role in it, «seaside» components of tourist and recreational complex, characterized by its localization in the European part of the Russian Federation, disclosed factors, problem situations, and priorities of development of recreation in the coastal South Russia region in a changed geopolitical and geoeconomic context. The author characterizes the basic water-territorial forms of economic performance and shows that their formation and development in the market context inherent sustainable conjugation of complexation of clustering. The economic features of coastal regions are identified; the “thalasso-centralized” regions are identified within coastal zones. It is shown that the full and effective use of «maritime factor» in regional socio-economic development largely corresponds with the positioning of the territory on major communication lines produced by geoeconomy. Moreover, the effect of the «sea» (and «seaside») factor in the territorial socio-economic development of the country in recent years, growing steadily, again (like half a century ago), bringing to priority positions «naval component» of Russian social geography. A significant component of it (including the modern structure of maritime complex, specialized nodes, the most favorable for settlement and economic activity of the coasts, as well as a trend, strategic vision) tourist and recreational perspective should act. The range associated with the «sea» of studies, thus, should be expanded; tending to regional studies, gradovedeniye to recreational geography.

Keywords: tourist and recreational complex, maritime complex, coastal zone, the European part of Russia, South Russia.

References

1. Reviving the Ocean Economy: the case for action – 2015. WWF International, Gland, Switzerland, Geneva, 2013. 60 pp.
2. Krugman P., Venables A. J. Globalization and the Inequality of Nations // *The Quarterly Journal of Economics*. 1995. Vol. 110. № 4. Pp. 857–880.
3. Combes P.-P., Mayer T., Thisse J.-F. *Economic Geography. The Integration of Regions and Nations*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2008. 424 p.
4. Fujita M., Krugman P., Venables A.J. *The Spatial Economy. Cities, Regions, and International Trade*. MIT-Press, Cambridge, Mass, 1999. 367 p.
5. Bosworth A. The world-city system by the year 2000. *Journal of Developing Societies*. 1996. 12 (1), 52–67.
6. Notteboom T., Rodrigue J.-P. Port Regionalization: Towards a New Phase in Port Development. In: *Maritime Policy & Management*. 2005. 32 (3). P. 297–313.
7. Lavrov S. B. Portovo-promyshlennye komplekсы v probleme vzaimootnosheniy obshchestva i prirodnoy sredy v okeane i regional'noe razvitiye primorskih rayonov (Port and industrial complexes in a problem of relations of society and the environment in the ocean and regional development of coastal areas) // *Voprosy geografii okeana*. L.: Nauka. 1983. S.25–31.
8. Dergachev V. A. *Osnovy ekonomicheskogo rayonirovaniya Mirovogo okeana* (Bases of economic division into districts of the World Ocean). Kiev. 1980. 110 s.
9. Slevich S. B. *Okean: resursy i hozyaystvo* (Ocean: resources and economy). L. 1988. 315 s.
10. Gogoberidze G. G. *Metodologiya i metody ocenki morskogo potentsiala primorskih territoriy* (Methodology and evaluation methods of sea potential of the seaside territories) : avtoref. ... d-ra ekon. nauk. M. 2009. 48 s.
11. Alhimenko A. P. Morekhozyaystvennyy kompleks Rossii: tendentsii razvitiya i problemy (Morekhozyaystvennyy complex of Russia: tendencies of development and problem) // *Morekhozyaystvennyy kompleks Rossii*. SPb. 2005. S.5–23
12. Malinina YU. V. Osobennosti morskoy deyatel'nosti v sovremennykh usloviyakh i ocenka negativnykh posledstviy ot povysheniya morskogo urovnya v XXI stoletii (Features of sea activities in modern conditions and assessment of negative consequences from increase in sea level in the XXI century) : avtoref. ... kand. geogr. nauk. SPb. 2010. 25 s.
13. Druzhinin A. G. Primorskaya zona Rossii kak obshchestvenno-geograficheskiy fenomen: podhody k konceptualizatsii i delimitatsii (Seaside zone of Russia as public and geographical phenomenon: approaches to conceptualization and delimitation) // *Baltiyskiy region*. 2016. T. 8, № 2. S. 85–100.
14. Korinek J. Clarifying trade costs in maritime transport, OECD Trade Policy Papers, No. x, OECD Publishing, Paris. 2008.
15. *Koncepciya federal'noy celevoy programmy «Mirovoy okean»* (Concept of the federal target program «World Ocean»). Rossiyskaya gazeta, 28.01.97.
16. Olaf Merk *The Competitiveness of Global Port-Cities: Synthesis Report*. OECD, 2013. 187 s.
17. *Vliyanie Interneta na razvitiye vnutrennego turizma v Rossii* (Influence of the Internet on development of internal tourism in Russia) [Elektronnoe izdanie]. Rezhim dostupa: http://raec.ru/upload/files/tourism_final.pdf
18. Medvedev: dolya turizma v VVP Rossii vsego 1,5 % (Medvedev: tourism share in GDP of Russia only 1,5 %) [Elektronnoe izdanie]. Rezhim dostupa: <http://www.kremlinrus.ru/news/164/13965/>
19. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti kollektivnykh sredstv razmeshcheniya v 2012 godu* (The main indicators of activities of collective means of placement in 2012) [Elektronnoe izdanie]. Rezhim dostupa: http://www.russiatourism.ru/upload/iblock/924/stat_pokazateli_regionov_RF_2012.doc
20. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye primorskih territoriy Evropeyskoy chasti Rossii: faktory, trendy, modeli* (Social and economic development of the seaside territories of the European part of Russia: factors, trends, models) / pod red. A. G. Druzhinina; YUzhnyy federal'nyy universitet. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo YUzhnogo federal'nogo universiteta, 2016. 236 s.
21. Druzhinin A. G. Aktual'nye trendy i problemnye situatsii sotsial'no-ekonomicheskoy dinamiki rossiyskogo Prichernomor'ya (Urgent trends and problem situations of social and economic dynamics of

- the Russian Black Sea Coast) // YUzhno-rossiyskiy forum: ekonomika, sociologiya, politologiya, social'no-ekonomicheskaya geografiya.. 2015, № 2 (11). S.3–18
22. Karaganov S. Mir stanovitsya vse menee prozapadnym (World becomes less westernized//Russia in global policy) // Rossiya v global'noy politike [Elektronnyy resurs] <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Mir-stanovitsya-vse-menee-prozapadnym-16564>
23. Il'in I. A. O Rossii. Tri rechi. 1926-1933 (About Russia. Three speeches. 1926-1933). Sofiya. Izd «Za Rossiyu». 1934. 78 s.

Поступила в редакцию 03.08.2016 г.